

НАТНАЭЛ
УЭСТ

✦
День саранчи
Подруга скорбящих
✦

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Натанаэл Уэст

День саранчи. Подруга скорбящих

«Издательство АСТ»

1939, 1933

УДК 821.112.2-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уэст Н.

День саранчи. Подруга скорбящих / Н. Уэст — «Издательство АСТ», 1939, 1933 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-152386-2

Повесть «День саранчи», написанная Уэстом во время работы в Голливуде в начале золотого века американского кинематографа, входит в списки «100 лучших англоязычных романов XX столетия» Modern Library и «100 лучших англоязычных романов с 1923 по 2005 год» Time. В 1975 году ее экранизировал классик американского кино Джон Шлезингер. Молодой художник-постановщик Тод Хекет принадлежит к средним слоям аристократии «фабрики грез». Однако знакомство с необыкновенно красивой и хваткой начинающей актрисой Фей Гринер и влюбленным в нее мелким предпринимателем Гомером Симпсоном вводит его в совершенно новый мир голливудских «маленьких людей» – каскадеров, массовки и актеров эпизодов. Тод не мог и вообразить, какая жизнь скрывается за фасадом киношного «рая» на самом деле... В издание также включена повесть «Подруга скорбящих».

УДК 821.112.2-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152386-2

© Уэст Н., 1939, 1933

© Издательство АСТ, 1939, 1933

Содержание

День саранчи	6
1	6
2	8
3	12
4	13
5	16
6	19
7	22
8	24
9	28
10	29
11	30
12	38
13	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Натанаэл Уэст
День саранчи
Подруга скорбящих

Nathanael West

THE DAY OF THE LOCUST

MISS LONELY HEARTS

© Перевод. В. Голышев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

День саранчи

1

Под конец рабочего дня Тод Хекет услышал из своей мастерской сильный шум на дороге. Сквозь топот тысячи копыт пробивался скрип кожи, лязг железа. Он поспешил к окну.

Двигалась армия пеших и конных. Она текла, как толпа, с расстроенными рядами, словно спасаясь после страшного разгрома. Доломаны гусар, тяжелые кивера гвардейцев, развевающиеся красные султаны на плоских кожаных касках ганноверской легкой кавалерии – все слилось в клокочущую массу. За кавалерией шла пехота – бурное море качающихся ташек, наклонных мушкетов, скрещенных портупей, болтающихся патронташей. Тод узнал английскую пехоту, алию, с белыми валиками на плечах, черную пехоту герцога Брауншвейгского, французских гренадеров в длинных белых гетрах, шотландцев в клетчатых юбках с голыми коленями.

Из-за угла вдогонку за армией выкатился низенький толстяк в коротеньких штанах, рубахе навыпуск и пробковом шлеме.

– Площадка девять, ослы, площадка девять! – кричал он в маленький рупор.

Верховые пришпорили коней, пешие затрусили следом. Толстяк в пробковом шлеме бежал за ними, грозя кулаком и ругаясь.

Тод смотрел, пока они не скрылись за половинкой колесного парохода, потом убрал свои карандаши и чертежную доску и вышел из мастерской. На тротуаре возле студии он постоял, раздумывая, сесть ли ему на трамвай или идти пешком. Он работал в Голливуде только третий месяц и еще не успел здесь соскучиться, но был ленив и ходить пешком не любил. Он решил, что доедет на трамвае до Вайн-стрит, а оттуда пойдет пешком.

На Западное побережье его затащил охотник за дарованиями из студии «Нэшнл», увидевший его рисунки на выставке выпускного курса Йельской школы изящных искусств. Наняли его по телеграфу. Встретясь агент с самим Тодом, он едва ли послал бы его в Голливуд изучать мастерство декоратора и художника по костюмам. Большое нескладное тело Тода, сонные голубые глаза, вислогубая улыбка производили впечатление совершенной бездарности, даже дурковатости.

Но, несмотря на свою внешность, он был сложным молодым человеком, с целым набором индивидуальностей – одна в другой, как китайские шкатулки. И «Сожжение Лос-Анджелеса» – картина, которую он скоро должен был написать, ясно доказывала, что он талантлив.

Он вышел на остановке Вайн-стрит. На ходу он изучал вечернюю толпу. Многие носили спортивные костюмы, которые на самом деле не были спортивными. Их свитера, гольфы, легкие брюки, синие фланелевые пиджаки с медными пуговицами были маскарадными нарядами. Тучная дама в капитанке плыла в магазин, а не к причалу; мужчина в охотничьей куртке и тирольской шляпе возвращался не с гор, а из страховой конторы; девушка в брюках, теннисных туфлях и яркой косынке только что покинула коммутатор, а не корт.

В толпу этих ряженных вкраплялись люди другого сорта. Их одежда была сумрачна и плохо сшита – выписана по почте. Тогда как остальные двигались шустро, шныряли по барам и магазинам, эти слонялись возле перекрестков или, стоя спиной к витринам, разглядывали каждого прохожего. Когда кто-то встречал их взгляд, в их глазах загоралась ненависть. Тод еще очень мало знал о них – только что они приехали в Калифорнию умирать.

Он намеревался узнать гораздо больше. Он чувствовал, что именно их он должен написать. Он никогда уже не станет изображать благополучный красный амбар, старую каменную стену, кряжистого нантакетского рыбака. В тот миг, когда он их увидел, он понял, что, несмотря

на его национальность, школу и багаж усвоенных традиций, ни Уинслоу Гомер, ни Райдер не могут быть его учителями, и он обратился к Домье и Гойе.

Он понял это вовремя. В последний год учебы он стал подумывать о том, чтобы вообще бросить живопись. Умения прибавлялось, а удовольствия от работы над цветом и композицией он получал все меньше, и он почувствовал, что идет дорожкой всех своих однокашников – к иллюстративности или просто гладкости. Когда подвернулась работа в Голливуде, он ухватился за нее, вопреки уговорам друзей, убежденных, что он продается и уже никогда не сможет писать.

Тод дошел до конца Вайн-стрит и начал спускаться в Пиньон-Каньон. Ночь наступала.

Деревья окаймлялись бледно-лиловым огнем, а фиолетовые массы крон наливались чернотой. Такой же лиловый ореол, словно аргоновая трубка, очертил макушки уродливых сутулых холмов, и они стали почти прекрасными.

Но даже мягкая отмывка сумерек не помогала домам. Динамита просили эти мексиканские ранчо, самоанские хижины, средиземноморские виллы, египетские и японские храмы, швейцарские шале, тюдоровские коттеджи и всевозможные их гибриды, теснившиеся на склонах каньона.

Когда он заметил, что все они – из гипса, дранки и картона, он смягчился и вину за их безобразие возложил на строительные материалы. Сталь, камень и кирпич смиряют фантазию строителя, вынуждая его распределять нагрузки и напряжения, ставить углы отвесно; а гипсу и картону закон не писан – даже закон тяготения.

На углу Ла-Хуэрта-род стоял миниатюрный рейнский замок с толевыми башенками и амбраурами для лучников. Рядом поместилась ярко раскрашенная будка с куполами и минаретами из «Тысячи и одной ночи». Но Тод и к ним отнесся снисходительно. Оба здания были комичны, но он не смеялся. Их желание поразить было так горячо и бесхитростно.

Трудно смеяться над жаждой красоты и романтики, каким бы безвкусным и даже чудовищным образом она ни утолялась. Но вздохнуть – легко. Что может быть грустнее подлинного уродства?

2

Дом, в котором он жил, был невзрачным строением и назывался «Герб Сан-Бернардино». Он был продолговатый, трехэтажный, некрашеную заднюю и боковые стены его прорезали ровные ряды окон без всяких украшений. Фасад был цвета разжиженной горчицы, и его окна с двойными переплетами обрамлялись розовыми мавританскими колоннами, подпиравшими брюквообразные перемычки.

Комната Тода была на третьем этаже, но он задержался на площадке второго. Здесь, в № 208, жила Фей Гринер. В какой-то квартире засмеялись; он виновато вздрогнул и стал подниматься дальше.

Когда он открыл свою дверь, на пол упала карточка. «Честный ЭЙБ КЬЮСИК» – было напечатано на ней крупным шрифтом, а ниже мелким курсивом – несколько отзывов, набранных так, чтобы они походили на отзывы прессы:

«Ллойд» Голливуда¹ (Стенли Роуз).

Слово Эйба – золото (Гейл Бреншоу).

Атаман в четвертом, Брильянт в шестом. Можешь хорошо зашибить на этих клячах.

Распахнув окно, он снял пиджак и лег на кровать. В окно был виден квадрат эмалевого неба и ветка эвкалипта. Ветерок шевелил его длинные узкие листья и поворачивал их то зеленой, то серебряной стороной.

Чтобы не думать о Фей Гринер, он стал думать о «Честном Эйбе Кьюсике». Он ощущал покой и не хотел с ним расставаться.

Эйб был важным персонажем в серии литографий «Плясуны», над которой работал Тод. Он был одним из плясунов. Еще там были Фей Гринер и Гарри, ее отец. Они менялись от листа к листу, но кучка настороженных людей, составлявших публику, везде была одинаковой. Они разглядывали исполнителей так же, как разглядывали ряженых на Вайн-стрит. Их взгляды и заставляли Эйба и других неистово вертеться и скакать, выгибая спину, наподобие форели на крючке.

Несмотря на искреннее негодование, которое вызывала у него карикатурная разнузданность Эйба, Тод радовался его обществу. Карлик будоражил его и как-то поддерживал уверенность в том, что ему нужно писать.

Он познакомился с Эйбом, когда жил на Ивар-стрит, в гостинице «Шато Мирабелла». Другое название у Ивар-стрит было «карболовая аллея», а Шато населяли в основном гастрольные агенты, тренеры и проститутки со всеми опекунами.

По утрам в коридорах воняло дезинфекцией. Тоду не нравился этот запах. Кроме того, плата была высокой, ибо включала в себя расходы на полицейское покровительство – службу, в которой Тод не нуждался. Он хотел съехать, но был тяжел на подъем и, не зная другого места, жил в Шато, пока не познакомился с Эйбом. Знакомство состоялось случайно.

Однажды ночью, возвращаясь к себе, он увидел в коридоре, у двери напротив своего номера, какой-то предмет, который он принял за узел с грязным бельем. Когда он прошел мимо, узел зашевелился и испустил странный звук. Тод чиркнул спичкой, думая, что это может быть собака, завернутая в одеяло. Когда спичка вспыхнула, он увидел крохотного человечка.

Спичка догорела, и он торопливо зажег вторую. Перед ним лежал лилипут мужского пола, завернутый в женский фланелевый халат. Округлый предмет на конце оказался слегка гидроцефалической головой. Она издавала протяжный придушенный храп.

---

¹ «Ллойд» – крупнейшее объединение страховщиков и страховых маклеров в Англии.

В коридоре тянуло холодом. Тод решил разбудить спящего и побеспокоил его носком ботинка. Человек со стоном открыл глаза.

– Не надо здесь спать.

– Пошел ты, – сказал карлик, вновь закрывая глаза.

– Вы простудитесь.

Это дружеское предостережение еще больше рассердило человечка.

– Отдай мои шмотки! – гаркнул он.

Из-под двери, у которой он лежал, брызнул свет. Тод, набравшись смелости, постучался. Через несколько секунд женщина приотворила дверь.

– Какого черта? – спросила она.

– Тут вот ваш друг, он...

Оба не дали ему договорить.

– Ну и что? – рявкнула она и захлопнула дверь.

– Шмотки отдай, сука! – взревел карлик.

Она снова открыла дверь и стала швырять в коридор его вещи. Пиджак и брюки, рубашка, носки, туфли и нижнее белье, галстук и шляпа вылетели друг за другом в быстрой последовательности. Каждый предмет сопровождался особым ругательством.

Тод изумленно присвистнул:

– Вот это да!

– А ты думал, – откликнулся карлик. – Та еще баба – просто туши свет.

Он засмеялся своей шутке, разразившись тонким кудахтаньем – самым лилипутским из звуков, произведенных им до сих пор, потом с трудом поднялся и подобрал свой просторный халат, чтобы не запутаться в нем ногами. Тод помог ему собрать раскиданную одежду.

– Слушай, друг, – сказал карлик, – разреши у тебя одеться?

Тод провел его в свою ванную. Дожидаясь его появления, он невольно пытался представить себе, что произошло в комнате женщины. Он уже жалел, что вмешался. Но когда карлик вышел из ванной в шляпе, Тоду стало легче.

Эта шляпа почти все поставила на свои места. В тот год тирольские шляпы были в большом ходу на Голливудском бульваре, и гном располагал прекрасным экземпляром. Она была надлежащего волшебного-зеленого цвета с высокой конической тульей. Не хватало только медной пряжки спереди, а в остальном все было идеально.

Однако наряд его плохо сочетался со шляпой. Вместо башмаков с загнутыми носами и кожаного фартука он носил синий двубортный костюм и черную рубашку с желтым галстуком. Вместо кривой суковатой палки в руке он держал свернутый номер «Ежедневного рысака».

– Вот что выходит, когда путаешься с трещеницами, – произнес он вместо приветствия.

Тод кивнул и попробовал сосредоточиться на зеленой шляпе. Его бессловесная уступчивость, видимо, раздражала лилипута.

– Думает, дешевка, крутанула Эйбу динамо – и лады, – со злобой сказал он. – Не выйдет – я могу за двадцатку устроить так, чтобы ей поломали ногу, а двадцатка у меня найдется.

Он вынул толстую пачку денег и помахал перед носом Тода.

– Динамо мне крутить, а? Я тебе так скажу...

Тод поспешно согласился:

– Вы правы.

Карлик подошел к сидящему Тоду, и Тод подумал, что сейчас он вскарабкается к нему на колени, но Эйб только спросил его имя и пожал ему руку. У карлика была могучая кисть.

– Я тебе так скажу, Хекет, – если бы не ты, я бы сломал у ней дверь. Эта баба думает, что может крутить мне динамо, но ей вправят мозги. Ну, все равно спасибо.

– Плюньте на это.

– Плюнуть? Ну нет. Я все понимаю. Я помню тех, кто мне нагадил, и помню тех, кто мне помог.

Он нахмурил лоб и помолчал.

– Слушай, – сказал он наконец. – Ты мне помог, и я тебя отблагодарю. Мне не нужно, чтобы кто-то тут ходил и болтал, будто Эйб долгов не платит. И я тебе вот что скажу. Я скажу тебе верняка на пятое в Калиенте. Поставишь на него пятерку и двадцать огребешь как штык. Я тебе точно говорю.

Тод не знал, что ответить, и его нерешительность обидела лилипута.

– Я что тебе – врать буду? – сказал он, нахмурясь. – Буду, да?

Тод пошел к двери, чтобы избавиться от него.

– Нет, – ответил он.

– Чего ж ты тогда опасаясь, а?

– Как зовут лошадь? – спросил Тод, в надежде его успокоить.

Лилипут последовал за ним к двери, волоча халат за рукав.

В шляпе и в башмаках он на полметра не доставал Тоду до пояса.

– Трагопан. Он будет первый, это верняк. Я знаю его хозяина, он мне шепнул.

– Он грек? – спросил Тод.

Он хотел любезностью скрыть маневр, которым рассчитывал выманить карлика за дверь.

– Да, грек. Ты его знаешь?

– Нет.

– Нет?

– Нет, – сказал Тод решительно.

– Да не трухай, – смилостивился карлик, – я просто хотел узнать, откуда ты знаешь, что он грек, если ты его не знаешь?

Он подозрительно прищурился и сжал кулаки.

Тод улыбнулся, чтобы задобрить его.

– Я просто догадался.

– Догадался?

Карлик ссутулился, словно собираясь выхватить револьвер или нанести апперкот. Тод отступил и попытался объяснить.

– Я догадался, что он грек, потому что Трагопан – это греческое слово, которое означает «фазан».

Карлик отнюдь не был удовлетворен.

– Откуда ты знаешь, что оно означает? Ты не грек?

– Нет, но я знаю несколько греческих слов.

– Образованный, значит, а? Культурный?

Он сделал короткий шаг на цыпочках, и Тод приготовился отразить удар.

– В университете учился, а? А я тебе так скажу...

Он запутался ногой в хламиде и упал ничком. Забыв о Тодде, он обругал халат и снова переключился на женщину:

– Мне – динамо крутить? – Он тыкал себя в грудь большими пальцами. – Кто ей кинул сорок долларов на аборт? Кто? И еще десятку – отдохнуть потом за городом? На ранчо ее послал. А кто ей тогда скрипку выкупил у паука в Санта-Монике? Кто?

– Правильно, – сказал Тод, приготовившись неожиданным толчком выставить его за дверь.

Но выталкивать его не пришлось. Лилипут вдруг выскочил из комнаты и побежал по коридору, волоча за собой халат.

Несколько дней спустя Тод зашел в канцелярский магазин, чтобы купить журнал. Разглядывая книги, он почувствовал, что его дергают за полу пиджака. Это опять был лилипут, Эйб Кьюсик.

– Что слышно? – угрожающе осведомился он.

Тод был удивлен, увидя карлика таким же задиристым, как в ту ночь. Впоследствии, узнав его ближе, он понял, что драчливость Эйба часто бывает шутливой. Когда он накидывался на приятелей, они играли с ним, как со щенком, отбивая его яростные атаки и дразня, чтобы он зарычал и бросился снова.

– Ничего, – сказал Тод. – Вот хочу переехать.

Он потратил все воскресенье, подыскивая себе жилье, и теперь был поглощен этой проблемой. Но, заговорив о ней, он сразу понял, что совершил ошибку. Чтобы уйти от разговора, он отвернулся, но карлик преградил ему дорогу. Он, видимо, считал себя специалистом по жилищному вопросу. Перечислив безмолвному Тоду десяток вариантов и отвергнув их по очереди, он наконец напал на «Герб Сан-Бернардино».

– Бердач – это то, что тебе нужно. Я сам там живу, так что не сомневайся. Хозяин – чистый скобарь. Пошли, устрою тебя как надо.

– Не знаю... я... – начал Тод.

Карлик вскинул голову с выражением смертельной обиды:

– Ну, конечно, вам не по чину. А я тебе так скажу – слышишь, ты...

Тод решил подчиниться нахрапистому карлику и пошел с ним на Пиньон-Каньон. Комнаты в Бердаче были тесные и не очень чистые. Но когда он увидел в коридоре Фей Гринер, он снял комнату, не задумываясь.

3

Тод уснул. Когда он проснулся, было девятый час. Он принял ванну и побрился, потом оделся перед зеркалом комода. Он пытался следить за пальцами, занятыми воротничком и галстуком, но взгляд все время соскальзывал на снимок, заткнутый за верхний угол рамы.

Это была фотография Фей Гринер, кадр из двухчастевого фарса, где она снималась статисткой. Она охотно дала ему карточку и даже написала ее крупным скачущим почерком: «Искренне Ваша, Фей Гринер», но в дружбе ему отказывала, вернее требовала, чтобы она оставалась бескорыстной. Фей объяснила почему. Он ничего не мог ей предложить – ни денег, ни красоты, а она могла любить только красивого мужчину и только богатому позволила бы любить себя. Тод был «отзывчивый мужчина», и ей нравились «отзывчивые мужчины», но только как друзья. Фей не была выжигой. Просто она рассматривала любовь в особой плоскости, на которой мужчина без денег и красоты не удерживался.

Взглянув на фото, Тод раздраженно хрюкнул. Она была снята в гаремном костюме – широких турецких шароварах, чашках и куцем жакете – и лежала, вытянувшись на шелковом диване. В одной руке она держала пивную бутылку, в другой – оловянную пивную кружку.

Чтобы увидеть ее в этом фильме, ему пришлось ехать в Глендейл. Фильм был про американца-коммивояжера, который заблудился в серале дамасского купца и очень веселится с его обитательницами. Фей играла одну из танцовщиц. У нее была только одна реплика: «Ах, мистер Смит!» – и она произнесла ее плохо.

Фей была высокая девушка, с крутыми широкими плечами и длинными мечеподобными ногами. Шея у нее тоже была длинная, похожая на колонну. Лицо было гораздо полнее, чем можно было бы подумать, глядя на тело, и гораздо крупнее. Широкое в скулах и сужавшееся ко лбу и к подбородку, оно напоминало луну. Ее длинные «платиновые» волосы сзади доставали почти до плеч, но со лба и ушей она их убирала, перехватывая снизу узкой голубой лентой, которую завязывала на макушке бантиком.

По фильму она должна была выглядеть, и выглядела, пьяной – но не от вина. Она лежала на диване вытянувшись, раскинув руки и ноги, как бы открываясь любовнику, и ее рот был приоткрыт в осоловелой хмурой улыбке. Своим видом она должна была выражать призыв, но звала она не к наслаждениям.

Тод зажег сигарету и возбужденно затаился. Он снова начал возиться с галстуком, но невольно вернулся к карточке.

Звала она не к наслаждениям, а к борьбе, изнурительной и жесткой – не на любовь, а на смерть. Броситься на нее было бы все равно, что броситься с небоскреба. Такое делаешь с криком. И на ноги встать уже не надейся. Зубы твои вгонит в череп, как гвоздь в тесину, и хребет будет сломан. Вспотеть или зажмуриться и то не успеешь.

Он еще мог посмеяться над своими метафорами, но смех был ненастоящий, он ничего не разрушал.

Если бы только она позволила, он бы бросился с радостью, чего бы это ни стоило ему. Но он ей был не нужен. Она не любила его, и он не мог содействовать ее карьере. Фей не была сентиментальной и в нежности не нуждалась, даже если бы он был на нее способен.

Одевшись, он торопливо вышел из комнаты. Он обещал быть на вечере у Клода Эсти.

4

Клод, преуспевающий сценарист, жил в большом доме, который был точной копией старинного особняка Дюпюи под Билокси в Миссисипи. Когда Тод ступил на дорожку с самшитовым бордюром, Клод приветствовал его с громадной двухэтажной террасы, разыгрывая роль в духе южной колониальной архитектуры. Он раскачивался с носков на пятки, на манер полковника Гражданской войны, и делал вид, что у него большое брюхо.

Брюха у него не было совсем. Клод был высохший человечек со стертыми чертами и сутулой спиной почтового служащего. Ему подошли бы залосненный мохеровый пиджак и мятые брюки конторщика, но он был одет, как всегда, изысканно. В петлице его коричневого пиджака торчал цветок лимона. Брюки на нем были из красноватого в шашку твида ручной выработки, а на ногах – великолепные башмаки цвета ржавчины. Его фланелевая рубашка была кремовой, а вязаный галстук – исчерна-красным.

Пока Тод поднимался по ступеням к его протянутой руке, Клод окликнул дворецкого:

– Крюшону! Да поживее, черная bestия!

Слуга-китаец бегом принес виски с содовой.

Перекинувшись с Тодом несколькими словами, Клод отправил его к своей жене Алисе, которая находилась на другом конце террасы.

– Не исчезай, – шепнул он. – Мы собираемся в бордель.

Алиса сидела в двойной качалке с дамой, которую звали миссис Джоан Шварцен. Когда Алиса спросила его, играет ли он в теннис, миссис Шварцен вмешалась:

– Какая глупость – швырять несчастный мячик через сеть, которой надо было бы ловить рыбу, – ведь миллионы голодают, мечтая о кусочке селедки.

– Джоан – чемпионка по теннису, – пояснила Алиса.

Миссис Шварцен была рослая женщина с большими руками и ногами и квадратными костлявыми плечами. У нее было миловидное личико восемнадцатилетней и тридцатипятилетней шеи, вся в жилах и сухожилиях. Густой рубиновый загар, отливавший синевой, смягчал резительностью контрасты между лицом и шеей.

– Как жалко, что мы не сразу поедим в публичный дом, – сказала она. – Я их обожаю.

Она повернулась к Тоду и захлопала ресницами:

– А вы, мистер Хекет?

– Ты права, душечка, – ответила за него Алиса. – Ничто так не взбадривает мужчину, как веселый дом. Клин клином вышибают.

– Как ты смеешь меня оскорблять!

Она встала и взяла Тода под руку.

– Сопровождайте меня вон туда. – Она показала на группу мужчин, среди которых стоял Клод.

– Проводите ее, ради бога, – сказала Алиса, – она думает, что они рассказывают сальные анекдоты.

Таща Тода за собой, миссис Шварцен врезалась в кружок.

– Похабничаете? – спросила она. – Обожаю похабные разговоры.

Все вежливо засмеялись.

– Нет, мы о делах, – сказал кто-то.

– Не верю. Будто не слышно по вашим гнусным голосам. Ну же, скажите что-нибудь непристойное.

На этот раз никто не засмеялся.

Тод попробовал высвободить руку, но она держала цепко. Наступило неловкое молчание; потом тот, кого она перебила, попытался начать сначала.

– Кинематограф страдает от излишней робости, – сказал он. – Таким людям, как Кумбс, нельзя спускать.

– Совершенно верно, – поддержал другой. – Приезжает такой вот, деньги гребет лопатой, все время ворчит, как тут паршиво, потом работу заперет и возвращается на Восток рассказывать анекдоты про постановщиков, которых в глаза не видел.

– Боже мой, – сказала миссис Шварцен Тоду громким театральным шепотом, – они и вправду о делах.

– Пойдемте поищем, кто разносит виски, – предложил Тод.

– Нет. Проводите меня в сад. Вы видели, что лежит в бассейне? – Она потащила его за собой.

В саду было душно от аромата мимозы и жимолости. Из прорехи в синем саржевом небе высовывался зернистый месяц, похожий на огромную костяную пуговицу. Дорожка, вымощенная плитняком и зажатая двумя рядами олеандров, привела к бассейну. На дне у глубокого конца он увидел какой-то массивный черный предмет.

– Что это? – спросил он.

Она нажала ногой выключатель, скрытый в корнях кустарника, и ряд придонных фонарей осветил зеленую воду. Предмет оказался дохлой лошадь, вернее – ее реалистическим, в натуральную величину, изображением. Над чудовищно раздутым брюхом торчали прямые негнущиеся ноги. Похожая на молот голова была свернута набок, и из мучительно оскаленного рта свисал тяжелый черный язык.

– Правда, чудесно? – воскликнула миссис Шварцен, хлопая в ладоши и возбужденно подпрыгивая, как девочка.

– Из чего она сделана?

– Значит, вы догадались? Как невежливо! Из резины, конечно. И стоила массу денег.

– Но зачем?

– Для смеха. Однажды мы стояли у бассейна, и кто-то, кажется Джери Апис, сказал, что тут на дне должна лежать дохлая лошадь, – вот Алиса и раздобыла. Правда – прелестно?

– Очень.

– Вы просто вредина. Подумайте, как должны быть счастливы Эсти, показывая ее гостям и выслушивая охи и ахи неподдельного восторга.

Она встала на краю бассейна и несколько раз подряд «охнула и ахнула».

– Она еще там? – донесся чей-то голос.

Тод обернулся и увидел, что по дорожке идут две женщины и мужчина.

– По-моему, брюхо у нее скоро лопнет, – ликуя, откликнулась миссис Шварцен.

– Красота, – сказал мужчина, торопясь подойти поближе.

– Да она же просто надувная, – возразила одна из женщин.

Миссис Шварцен сделала вид, будто вот-вот расплачется.

– Вы ничуть не лучше этого вредного мистера Хекета. Вам просто не терпится разбить мои иллюзии.

Когда она окликнула Тода, он был уже на полпути к дому. Он помахал рукой, но не остановился.

Компания Клода все еще говорила о делах.

– Но как вы избавитесь от неграмотных мойш, которые им правят? Они держат кино мертвой хваткой. В интеллектуальном плане они, может, и папуасы, но зато – чертовски хорошие дельцы. По крайней мере, знают, как прыгнуть в эту лужу и вынырнуть с золотыми часами в зубах.

– Часть из этих миллионов, которые приносят фильмы, им стоило бы снова пускать в дело. Как Рокфеллеры с их Фондом. Раньше Рокфеллеров ненавидели, а теперь, вместо того чтобы вопить об их грязных нефтяных барышах, все восхваляют их за то, что делает Фонд.

Ловкий трюк, и киношники могли бы сделать то же самое. Создать Фонд кино и покровительствовать наукам и искусствам. Понимаете, снабдить малину вывеской.

Тод отозвал Клода в сторонку, чтобы попрощаться, но хозяин его не отпустил. Он увел Тода в библиотеку и налил ему и себе шотландского виски. Они сели на кушетку против камина.

– Вы не были в заведении Одри Дженинг? – спросил он.

– Не был, но слышан порядком.

– Тогда вы должны пойти.

– Не люблю профессионалок.

– А мы не к ним. Просто посмотрим кино.

– Кино меня угнетает.

– У Одри вы не соскучитесь. Умелой сервировкой она сообщает пороку притягательность. Ее притон – шедевр технической эстетики.

Тоду нравилась его манера. Он был мастером замысловатой пародийной риторики, которая позволяла ему выразить свое негодование, сохранив при этом репутацию светского и остроумного человека.

Тод подкинул ему реплику.

– Не знаю, на каких тарелочках она его преподносит, – сказал он, – но бардаки наводят тоску, как все хранилища – банки, почтовые ящики, склепы, торговые автоматы.

– Любовь как торговый автомат, а? Неплохо. Суешь монету, дергаешь рычаг. В утробе аппарата происходят механические процессы. Получаешь свои сласти, хмуришься, глядя на себя в грязное зеркало, поправляешь шляпу, берешь покрепче зонтик и уходишь, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало, – хорошо, но не для кино.

Тод опять высказался начистоту:

– Не в этом дело. Я бегал за девушкой, а это все равно, что таскать с собой вещь, которая не влезает в карман, – вроде портфеля или чемоданчика. Неудобно.

– Знаю, знаю. Это всегда неудобно. Сначала правая рука устает, потом левая. Ставишь чемодан и садишься на него, но прохожие удивляются, останавливаются поглазеть – приходится идти дальше. Прячешь чемодан за дерево и ретируешься, но кто-то его находит и бежит за тобой, чтобы отдать. С утра, когда выходишь из дому, чемоданчик – маленький, дешевый, с паршивой ручкой, а к вечеру это уже сундук с медными углами, весь в заграничных наклейках. Знаю. Хорошо, но опять не для кино. Надо помнить о публике. Что скажет парикмахер с Пердью? Он целый день стриг волосы и устал. Он не хочет смотреть на болвана, который таскается с чемоданом или возится с автоматом. Парикмахеру подавай чары и амуры.

Последнее он сказал уже самому себе и тяжело вздохнул. Он хотел было продолжать, но тут подошел слуга-китаец и объявил, что все собрались ехать к миссис Дженинг.

5

Они отправились на нескольких машинах. Тод сидел на переднем сиденье рядом с Клодом, и, пока они ехали по бульвару Сансет, Клод рассказывал ему о миссис Дженинг. Во время немого кино она была довольно известной актрисой, но звук лишил ее работы. Она не стала сниматься в массовках и эпизодах, как многие бывшие звезды, а, проявив замечательную деловую сметку, открыла дом свиданий. Она не была безнравственной. Отнюдь. Она заведовала своим предприятием точно так же, как другие женщины заведуют библиотеками, – умно и со вкусом.

Ни одна из девушек в доме не жила. Вы звонили по телефону, и она посылала девушку к вам. Плата была тридцать долларов за ночь, и пятнадцать из них миссис Дженинг оставляла себе. Кое-кому может показаться, что пятьдесят процентов за комиссию чересчур много, но она получала их совершенно заслуженно. Накладные расходы были высокими. Она содержала красивый дом, где девушки ожидали вызова, и машину с шофером, чтобы доставлять их к клиентам.

К тому же ей приходилось вращаться в таком обществе, где она могла завязать нужные связи. В конце концов, тридцать долларов – не каждому по карману. Девушкам позволялось обслуживать только людей состоятельных и с положением, если не сказать – положительных и со вкусом. Она была настолько разборчива, что считала необходимым познакомиться с клиентом прежде, чем бралась его обслуживать. Она часто говорила – и справедливо, – что не позволит девушке отправиться к мужчине, с которым сама бы не стала спать.

И она была по-настоящему культурна. Все самые выдающиеся ее посетители смотрели на знакомство с ней как на пикантное похождение. Однако они бывали разочарованны, обнаружив, насколько она утонченна. Им хотелось побеседовать о кое-каких веселых и общеинтересных предметах, а она желала обсуждать только Гертруду Стайн и Хуана Гриса. И сколько ни бился знаменитый гость – а некоторые, по слухам, заходили даже чересчур далеко, – ни изъяна найти в ее утонченности, ни пробить бреши в ее культуре никому не удавалось.

Клод все еще упражнялся на ней в своей странной риторике, когда она появилась в дверях, приветствуя гостей.

– Очень приятно вас снова видеть, – сказала она. – А я как раз вчера за чаем говорила миссис Принс: Эсти – моя любимая чета.

Это была статная женщина, приторная и вкрадчивая блондинка с красноватой кожей.

Она провела их в маленькую гостиную, выдержанную в фиолетово-розово-серой гамме. Жалюзи были розовые, как и потолок, а стены оклеены бледно-серыми обоями с редкими крохотными фиолетовыми цветочками. На одной стене висел серебристый экран, который можно было свернуть, а напротив него, по обе стороны от вишневого столика, стояли в ряд стулья, обитые лощеным розово-серым ситцем с фиолетовой тесьмой. На столике стоял маленький проектор, и с ним возился молодой человек в смокинге.

Она жестом предложила им сесть. Затем вошел официант и спросил, что они желают пить. Когда заказы были приняты и выполнены, она щелкнула выключателем, и молодой человек запустил аппарат. Аппарат весело жужжал, но его не удавалось навести на фокус.

– С чего мы начнем? – спросила миссис Шварцен.

– «Le Predicament de Marie»².

– Название завлекательное.

– Это прелесть, совершенная прелесть, – сказала миссис Дженинг.

---

² «Злоключения Мари» (фр.).

– Да, – подтвердил механик, у которого что-то не ладилось. – Изумительный фильм – «Le Predicament de Marie». В нем есть что-то особенное – прямо-таки даже чересчур волнующее.

Задержка получилась долгой; механик отчаянно хлопотал у аппарата. Миссис Шварцен засвистела и затопала ногами, остальные последовали ее примеру. Они изображали неотесанную публику времен иллюзиона.

– Заснул там? Поехали!

– Ехай сам, а мы пешочком.

– Испортилась машина.

– Чини, сапожник!

Молодой человек наконец отыскал лучом экран, и фильм начался.

LE PREDICAMENT DE MARIE,

ou

LA BONNE DISTRAITE³

Мари, или «Воппе», была пышная девушка в очень коротеньком, тесно облегающем форменном платье из черного шелка. На голове у нее была крохотная кружевная накладка. В первой сцене показывалось, как она подает обед богатой семье в обшитой дубовыми панелями столовой с тяжелой резной мебелью. Семья очень уважаемая и состоит из бородатого отца в сюртуке, матери с камеей на груди и в платье со стоячим воротником на китовом усе, высокого худого сына с длинными усами и почти без подбородка и девочки с большим бантом в волосах и распятием на золотой цепочке.

После нескольких банальных номеров с папиной бородой и супом актеры подошли к своей теме вплотную. Было ясно, что вся семья желает Мари, но Мари желает только девочку. Прикрывая свою деятельность салфеткой, отец щиплет Мари, сын пытается заглянуть в вырез ее платья, мать гладит ее по колену. Мари в свою очередь тайком ласкает девочку.

Действие переносится в комнату Мари. Она раздевается и, оставшись в черных шелковых чулках и туфлях с высокими каблуками, набрасывает на себя шифоновый пеньюар. В то время как она занимается сложным ночным туалетом, входит девочка. Мари сажает ее на колени и начинает целовать. В дверь стучат. Оцепенение. Она прячет ребенка в стеной шкаф и выпускает отца. Он полон подозрений, и она вынуждена принимать его авансы. Он обнимает ее, но в это время в дверь опять стучат. Снова оцепенение и немая сцена. На этот раз входит усаый сын. Мари успевает спрятать отца под кровать. Только сын начинает осваиваться, как в дверь опять стучат. Мари заставляет его забраться в большой ящик для постельного белья. Новый гость – хозяйка дома. Не успевает она взяться за дело, как в дверь опять стучат.

Кто это может быть? Почтальон? Полицейский? В исступлении Мари пересчитывает убежища. Вся семья налицо. Она подкрадывается к двери и слушает.

Кто же он – этот неожиданный визитер? – гласила надпись.

И тут аппарат заело. Молодой человек в смокинге пришел в такое же исступление, как Мари. Когда он снова его запустил, экран ярко светился, пленка жужжа побежала через аппарат и иссякла.

– Я ужасно извиняюсь, – сказал он. – Придется перемотать.

– Это – покупка! – крикнул кто-то.

– Розыгрыш!

– Аферисты!

– Деньги обратно!

Они свистели и топали ногами.

---

³ «Злоключения Мари, или Рассеянная служанка» (фр.).

Под шум притворного дебоша Тод выскользнул из комнаты. Ему хотелось подышать свежим воздухом. Официант, слонявшийся по холлу, показал ему выход во внутренний двор.

На обратном пути он заглядывал в разные комнаты. В одной из них он обнаружил горку с множеством миниатюрных собачек. Тут были стеклянные пойнтеры, серебряные бигли, фаянсовые шнауцеры, каменные таксы, алюминиевые бульдоги, онисовые гончие, фарфоровые терьеры, деревянные спаниели. Были представлены все мыслимые породы и чуть ли не все материалы, пригодные для лепки, отливки и резания.

Пока он любовался фигурками, в доме запела женщина. Голос показался ему знакомым, и он выглянул в холл. Это была Мери Доув, одна из ближайших подруг Фей Гринер. Может быть, и Фей работает у миссис Дженинг? Если так, то за тридцать долларов...

Он пошел досматривать кино.

6

Надежда Тода уладить свои затруднения за небольшую плату быстро рассеялась. Когда он попросил Клода узнать у миссис Дженинг насчет Фей, дама ответила, что никогда не слышала об этой девушке. Тогда Клод попросил ее выяснить через Мери Доув. Через несколько дней она позвонила ему и сказала, что ничего не выйдет. Девушку предоставить нельзя.

Тод, в общем, не огорчился. Он и не хотел получать ее таким способом, во всяком случае – покуда у него были другие шансы. А ему последнее время стало казаться, что они растут. Гарри, ее отец, заболел, и это дало Тоду повод часто бывать в их квартире. Он бегал по поручениям и болтал со стариком. Желая отблагодарить его за доброту, она сблизилась с ним – как с другом дома. Он надеялся углубить ее благодарность и перевести в серьезное качество.

Помимо этой цели Тода занимал сам Гарри, и общество старика было ему приятно. Старик был клоуном, а Тод, как многие художники, питал слабость к клоунам. Но что еще важнее, у Тода было чувство, что клоунство старика – ключ к голливудским зевакам (живописный ключ, ключ-символ), так же как мечты Фей.

Он сидел у постели Гарри и часами слушал его рассказы. За сорок лет в варьете и бурлеске их у него накопилось бесконечное множество. Как он сам выражался, жизнь его состояла из молниеносных серий сальто, кульбитов, пируэтов и каскадов, продельваемых для того, чтобы уйти от огневого вала «печек с динамитом». «Печка с динамитом» означала любую катастрофу стихийного или умышленного характера – от наводнения в Медеин-Хет, штат Вайоминг, до склочного полисмена в Муз-Фактори, провинция Онтарио.

Возможно, что в самом начале своей сценической карьеры Гарри паясничал только на подмостках; теперь же он паясничал беспрестанно. Это был его единственный способ самозащиты. Он обнаружил, что люди в большинстве своем не станут лезть из кожи вон, чтобы наказать шута.

Он пользовался целым набором изящных жестов, чтобы подчеркнуть комичность своей согнутой унылой фигуры, и особым образом одевался – как банкир, вернее – как дешевая, неубедительная имитация банкира. Наряд состоял из засаленного котелка с необычайно высокой тульей, стоячего воротничка, широкого галстука в горошек, залосненного двубортного пиджака и брюк в серую полоску. Облачение Гарри никого не могло обмануть, но это и не входило в его задачи. Хитрость его была другого рода.

Как актер он был полным неудачником и понимал это. Но он утверждал, будто однажды чуть не добился успеха. И в доказательство заставил Тода прочесть старую вырезку из театрального отдела «Санди таймс».

Она была озаглавлена «Перепачканный арлекин».

«Комедия дель арте не умерла. Она живет в Бруклине – вернее, «проживала» там неделю назад на сцене театра Оглторна – в лице некоего Гарри Гринера. М-р Гринер принадлежит к труппе «Летучие Лины». В тот момент, когда вы читаете эти строки, она, вероятно, дает представление в Мистике, шт. Коннектикут, или ином городке, более радушном, нежели наш район многодетных семей. Если вы располагаете досугом и действительно любите театр – непременно разыщите Линею, где бы они ни находились.

М-р Гринер, перепачканный арлекин нашего заголовка, в момент появления его на сцене вовсе не перепачкан, а чист, опрятен и мил. К тому времени, когда Лины, четверо мускулистых уроженцев Востока, разделяются с ним, он будет отменно перепачкан. Он оборван, измазан кровью, но... по-прежнему мил.

Когда м-р Гринер выходит на сцену, трубы, как и следовало ожидать, молчат. Мама Линь вращает тарелку на шесте, который она держит в зубах; папа Линь ходит колесом; сестра Линь жонглирует веерами, а братец Линь свисает с портала на своей косичке. Оглядывая своих

усердных коллег, м-р Гринер пытается спрятать смущение под весьма наивной маской светскости. Он отваживается пощекотать сестру и в ответ на этот невинный знак внимания получает могучий пинок в живот. Пинок переносит его в привычную стихию, и он принимается рассказывать скучный анекдот. Папа Линь, подкравшись сзади, бросает его брату, который равнодушно отворачивается. М-р Гринер приземляется на затылок. Он мужественно заканчивает анекдот в горизонтальном положении. Когда он встает, публика, не смеявшаяся над анекдотом, смеется над его хромотой, так что он остается хромым до конца номера.

М-р Гринер начинает другой анекдот, еще длиннее и скучнее первого. И вот, когда он доходит до самой соли, оркестр раздражается музыкой и заглушает его. Он очень терпелив и очень стоек. Он начинает сначала, но закончить оркестр ему не дает. Боль, которая почти – но, к счастью, не до конца – скрючивает его деревянную фигурку, была бы непереносимой, не будь она столь очевидно притворной. Это гомерически смешно.

Финал великолепен. Лини носятся по воздуху; м-р Гринер же, удерживаемый на земле своим реализмом и осведомленностью о тяготении, всячески пытается убедить публику, что витающие восточные товарищи несколько не удивляют и не тревожат. Старо как мир, говорят его руки, но лицо с ними не соглашается. Видя, что коллеги остаются невредимыми, он вновь обретает уверенность. Акробаты не замечают его, поэтому и он не замечает акробатов. Победа остается за ним; ему предназначены аплодисменты зала.

Первой моей мыслью было: кому-нибудь из продюсеров следовало бы пригласить м-ра Гринера в большое ревью, поместив на фоне красивых девушек и блистающих занавесей. Но потом я решил, что это было бы ошибкой. Боюсь, что м-ра Гринера, подобно скромным полевым растениям, которые гибнут, будучи перенесены на более жирную почву, лучше оставить цвести в бурлеске, среди чревоушастых и велосипедисток».

У Гарри хранилось больше десятка копий этой статьи, некоторые – на полотноной бумаге. Попытавшись получить работу при помощи коротких объявлений в «Варьете» («...кому-нибудь из продюсеров следовало бы пригласить Гринера в большое ревью...» – «Таймс»), он приехал в Голливуд в надежде, что заработает на жизнь, снимаясь в комедийных эпизодах. Однако на таланты его спроса не было. По его собственному выражению, он «провонял голодухой». Чтобы дополнить свои скудные заработки на студиях, он торговал вразнос полировальной пастой для серебра, которую готовил у себя в ванной из мела, мыла и тавота. Когда Фей не была занята на актерской бирже, она возила его в торговые экспедиции на своем форде. В последней поездке он и заболел.

В этой же поездке Фей приобрела нового поклонника по имени Гомер Симпсон. Тод в первый раз увидел Гомера примерно через неделю после того, как слег старик. Он сидел у больного, развлекая его беседой, как вдруг послышался тихий стук в дверь. Тод открыл; в коридоре стоял человек с цветами для Фей и бутылкой портвейна для ее отца.

Тод возрился на него с любопытством. Он не хотел быть невежливым, но на первый взгляд пришедший казался типичным представителем породы людей, приезжающих в Калифорнию умирать, со всеми ее отличительными чертами – от лихорадочного взгляда до дрожащих рук.

– Меня зовут Гомер Симпсон, – задыхаясь, сказал он, потом смущенно потоптался и промокнул совершенно сухой лоб сложенным носовым платком.

– Не хотите зайти? – спросил Тод.

Он тяжело помотал головой и сунул букет и бутылку Тоду. Прежде чем Тод успел сказать хоть слово, он поплелся прочь.

Тод понял, что ошибся. Гомер Симпсон лишь физически подходил под эту категорию. Люди, которых он имел в виду, не были застенчивы.

Когда он передал подарок Гарри, тот как будто даже не удивился. Он сказал, что Гомер – один из его благодарных клиентов.

– Мою Волшебную Пасту рвут с руками.

Когда Фей вернулась домой и узнала о госте, она очень потешалась. Вдвоем, прерывая свою речь и друг друга взрывами смеха, они рассказали Тоду, как произошло их знакомство с Гомером.

Второй раз Тод увидел Гомера под финиковой пальмой на другой стороне улицы, откуда он смотрел на их дом. Тод наблюдал за ним несколько минут, потом окликнул и приветливо поздоровался. Гомер не ответил и бросился наутек. На другой день и на третий Тод снова видел, как он прячется под пальмой. Наконец он застиг его, подкравшись сзади.

– Как поживаете, мистер Симпсон? – мягко сказал он. – Гринеры очень признательны вам за подарок.

На этот раз Гомер не двинулся, может быть, потому, что Тод припер его к дереву.

– Хорошо, – выпалил он. – Я шел мимо... я живу на этой улице.

Тод ухитрился растянуть разговор на несколько минут, после чего Гомер бежал.

В следующий раз Тоду удалось приблизиться к нему открыто. С этих пор Гомер охотно отвечал на его любезности. Симпатия, даже самого неглубокого свойства, победила его молчаливость и сделала чуть ли не болтливым.

7

В одном, по крайней мере, Тод не ошибся. Как и большинство интересовавшей его публики, Гомер был выходцем со Среднего Запада. Он приехал из Уэйнвилла, городка в Айове, неподалеку от Де-Мойна, где двадцать лет проработал в гостинице.

Однажды, посидев в парке под дождем, он простудился, и простуда перешла в воспаление легких. Выйдя из больницы, он узнал, что гостиница взяла другого бухгалтера. Они соглашались принять его обратно, но врач посоветовал ему поехать на отдых в Калифорнию. Тон у врача был повелительный, и Гомер уехал из Уэйнвилла на Побережье.

Прожив неделю в вокзальной гостинице Лос-Анджелеса, он снял коттедж в Пиньон-Каньоне. Это был всего второй дом, показанный ему агентом по торговле недвижимостью, но Гомер согласился на него, потому что устал и потому что агент был наглец.

Расположение коттеджа ему даже понравилось. Это был последний дом в каньоне, и холмы начинались прямо за гаражом. Они поросли люпинами, колокольчиками, маками и луговыми ромашками. На склонах стояло несколько карликовых сосен, юкк и эвкалиптов. Агент сказал, что он будет любоваться голубями и перепелками, но за все время, что тут жил, он видел только крупных бархатно-черных пауков и ящерицу. Он очень привязался к ящерице.

Дом стоил дешево, потому что на него не находилось охотников. Большинство людей, снимавших здесь коттеджи, хотело жить в «испанских», а этот, по утверждению агента, был «ирландским». Гомеру дом показался довольно странным, но агент настаивал, что он оригинальный.

Дом был странным. Из-под соломенной крыши, спускавшейся очень низко по обе стороны от входной двери, смотрели маленькие слуховые оконца с длинными козырьками, а венчала ее циклопическая и очень кривая труба. Дверь из эвкалипта, крашенного под мореный дуб, висела на громадных петлях. Петли были фабричные, но отштампованы так, что имели вид кованных. Столько же умения и старания затратили на то, чтобы сделать кровлю соломенной – ибо она была не из соломы, а из огнестойкого картона, рифленого и крашенного под солому.

Господствующие вкусы нашли отражение в убранстве комнаты. Оно было «испанским». Стены были бледно-оранжевые, в розовую крапинку, и на них висело несколько шелковых знамен с гербами – красных и золотых. На камине стоял большой галеон. Корпус у него был гипсовый. В камине разместились разнообразные кактусы в расписных мексиканских горшках. Некоторые растения были сделаны из резины и пробки, остальные были настоящие.

Комнату освещали бра в виде галеонов, у которых из-под палубы торчали остроконечные желтые лампочки. На столе стояла лампа с бумажным абажуром, промасленным, чтобы он имел вид пергаментного, и на нем было изображено еще несколько галеонов. Шторы из красного бархата висели на черных копьях с серповидными наконечниками.

Из мебели тут были: тяжелая кушетка с выгоревшим красным камчатным покрывалом и ножками в виде жирных монахов и три распухших кресла, тоже красных. Середину комнаты занимал очень длинный стол красного дерева. Он был обит гвоздями с большими бронзовыми шляпками. Возле каждого кресла стоял столик того же цвета и конструкции, что и большой, но в их крышки было врезано по цветной кафельной плитке.

Две маленькие спальни были отделаны в другом стиле. Агент назвал его «новоанглийским». Тут была железная кровать с накаткой под дерево, точеное кресло с перильчатой спинкой – из тех, что обычно стоят в кондитерских, и комод в стиле ранних английских колонистов, окрашенный под некрашеную сосну. На полу лежал мохнатый коврик. На стене против комода висела цветная гравюра, изображавшая занесенную снегом коннектикутскую ферму – полностью, включая волка. Спальни были одинаковы до мельчайших подробностей. Даже картинки были дубликатами.

Имелись также ванная и кухня.

8

Чтобы обосноваться в новом жилище, Гомеру понадобилось всего несколько минут. Он распаковал сундук, повесил свои два костюма – оба темно-серые – в стенной шкаф одной из спален, переложил рубашки и нижнее белье в комод. Переставлять мебель он даже не пытался.

Совершив бесцельный обход дома и двора, он сел на кушетку. Он сидел, словно дожидаясь кого-то в вестибюле гостиницы. Так он провел почти полчаса, шевеля только руками, потом встал, перешел в спальню и уселся на край кровати.

Хотя до вечера было далеко, его сильно клонило ко сну. Он боялся вытянуться и уснуть. Не из-за дурных снов, а из-за того, что так трудно было проснуться. Когда он засыпал, он побаивался, что не проснется вообще.

Но потребность оказалась сильнее страха. Он завел будильник на семь часов и лег, поставив его возле уха. Через два часа, показавшиеся ему двумя секундами, будильник зазвонил. Он трещал целую минуту, прежде чем Гомер начал с трудом пробиваться к сознанию. Борьба была тяжелой. Он стонал. Его голова тряслась, ноги дергались. Наконец веки раздвинулись; потом раскрылись шире. Он еще раз одержал победу.

Вытянувшись на кровати, он приходил в себя, испытывал разные части тела. Все они пробудились, кроме рук. Руки еще спали. Он не удивился. Руки требовали особого внимания – всегда требовали. В детстве он, бывало, колот их булавками, а однажды даже сунул в огонь. Теперь он пользовался только холодной водой.

Гомер выбрался из кровати по частям, как неотлаженный робот, и потащил свои руки в ванную. Пустил холодную воду. Когда раковина наполнилась, он погрузил руки до запястий. Они тихо лежали на дне, как пара странных водяных животных. Когда они совсем замерзли и покрылись мурашками, Гомер вытащил их и спрятал в полотенце.

Он озяб. Он пустил в ванну горячую воду и начал раздеваться, возясь с каждой пуговицей, словно раздевал кого-то другого. Когда он разделся, воды в ванне было еще мало; он сел нагишом на табурет и стал ждать. Его огромные руки лежали на животе. Они были совершенно неподвижны, но выглядело это не покоем, а скованностью.

За исключением кистей рук, которые могли бы принадлежать монументу, и маленькой головки, Гомер был сложен очень пропорционально. Мускулы у него были массивные и округлые, грудь мощная и выпуклая. И все же что-то было не так. При всех своих размерах и формах он не производил впечатления силы и мужественности. Он напоминал стерильных атлетов Пикассо, которые понуро сидят на розовом песке, уставясь на мраморные, в прожилках, волны.

Когда ванна наполнилась, он влез в нее и погрузился в горячую воду. Он закричал от удовольствия. Но сию же минуту могли начаться воспоминания – сию же минуту. Он попытался одурачить память, залив ее слезами, и извлек из себя рыдания, как всегда втихомолку ерзавшие в груди. Звук получался как у собаки, лакающей овсянку. Он сосредоточился на том, какой он одинокий и несчастный, но это не помогло. Мысли, которые он отчаянно хотел прогнать, ломались в его сознание.

Однажды, когда он работал в гостинице, с ним в лифте заговорила постоялица Ромола Мартин:

– Мистер Симпсон, вы бухгалтер, мистер Симпсон?

– Да.

– Я из шестьсот одиннадцатого.

Она была маленькая, похожая на девочку, с быстрой нервной повадкой. На груди она баюкала пакет, содержащий, по-видимому, четырехугольную бутылку джина.

– Да, – повторил Гомер, стараясь побороть врожденную приветливость. Он знал, что мисс Мартин задолжала за несколько недель, и слышал, как регистраторша назвала ее пьяницей.

– Ах!.. – кокетливо продолжала девушка, обращая его внимание на их разницу в росте. – Мне так неприятно, что я заставляю вас беспокоиться из-за этого счета...

Ее интимный тон привел его в растерянность.

– Вам придется поговорить с директором, – буркнул он и отвернулся.

Когда он подходил к своему кабинету, его трясло.

До чего беспардонное существо! Она, конечно, была пьяна, но не настолько, чтобы не отдавать себе отчета в своих поступках. Он поспешил назвать свою взволнованность отвращением.

Вскоре ему позвонил директор и попросил принести кредитную карточку мисс Мартин. В кабинете директора Гомер застал регистраторшу, мисс Карлайл. Он прислушался к ее разговору с директором.

– Шестьсот одиннадцатую вы приняли?

– Да... да, я.

– Почему? Кажется, ясно, что это за птица?

– Когда трезвая – нет.

– Мало ли что. Нам такие в гостинице не нужны.

– Виновата.

Директор повернулся к Гомеру и взял у него из рук кредитную карточку.

– Она задолжала тридцать один доллар, – сказал Гомер.

– Пусть заплатит и выезжает. Мне тут такие не нужны. – Он улыбнулся. – Особенно когда они залезают в долги. Соедините меня с ней.

Гомер попросил телефонистку вызвать шестьсот одиннадцатый; вскоре она сообщила, что номер не отвечает.

– Она в гостинице, – сказал он. – Я видел ее в лифте.

– Я попрошу коридорную проверить.

Через несколько минут, когда Гомер уже сидел над своими книгами, зазвонил телефон. Это опять был директор. Коридорная сообщила, что шестьсот одиннадцатая на месте, сказал он и велел Гомеру отнести ей счет.

– Пусть заплатит и освободит номер, – сказал он.

Первой мыслью Гомера было, сославшись на занятость, попросить, чтобы послали мисс Карлайл, но у него не хватило духу. Выписывая счет, он начал понимать, до какой степени он взволнован. Это привело его в ужас. Легкие токи пробегали по нервам; язык у гортани покалывало.

Выйдя на шестом этаже, он почти развеселился. Он шагал бодро, совершенно забыв о руках – постоянном предмете тревоги. Он подошел к 611-му и собрался постучать, но вдруг испугался и опустил кулак, не донеся его до двери.

Он не справится. Пусть пошлют мисс Карлайл.

Коридорная, наблюдавшая за ним издали, подошла, отрезав путь к отступлению.

– Не отзывается, – поспешно объяснил Гомер.

– Вы хорошо стучали? Эта девка у себя.

Не дожидаясь его ответа, она забарабанила в дверь.

– Открывайте! – крикнула она.

Гомер услышал внутри какое-то движение, потом дверь приоткрылась.

– Простите, кто там? – спросил беззаботный голос.

– Бухгалтер Симпсон, – сказал он сипло.

– Заходите, пожалуйста.

Дверь отворилась пошире, и Гомер вошел, не смея оглянуться на коридорную. Его вынесло на середину комнаты, и там он замер. Сперва в нос ему ударили тяжелые запахи перегара и застоявшегося табачного дыма, но потом сквозь них пробился металлический аро-

мат духов. Его взгляд медленно описал круг. По полу была разбросана одежда, газеты, журналы, бутылки. Мисс Мартин забилась в уголок кровати. На ней был мужской халат из черного шелка с голубыми отворотами. Ее коротко остриженные волосы цветом и фактурой напоминали солому, и сама она была похожа на мальчика. Розовая пуговка носа, синие пуговицы глаз и красная пуговка рта довершали ее сходство с ребенком.

Гомер был так захвачен нарастающим в нем возбуждением, что не мог ни говорить, ни думать. Он зажмурился, желая оградить, бережно выпестовать то, что он ощущал. Бережность была необходима, потому что, если он поспешит, все может увянуть, и он опять остынет. Возбуждение росло.

– Уходите, пожалуйста, я пьяная, – сказала мисс Мартин.

Гомер не шевельнулся, не ответил.

Вдруг она заплакала. Хриплые, отрывистые звуки шли как будто из живота. Она закрыла лицо руками и застучала ногами по полу.

Чувства Гомера были так напряжены, что голова его упорно покачивалась, как у китайского болванчика.

– Я на мели. У меня нет денег. Я без гроша. Я на мели, слышите?

Гомер вытащил бумажник и двинулся на девушку так, словно собирался им ударить.

Она отпрянула, съежилась и заплакала громче.

Он уронил бумажник ей на колени и стоял над ней, не зная, что делать. При виде бумажника она улыбнулась, но всхлипывать не перестала.

– Садитесь, – сказала она.

Он сел рядом с ней на кровать.

– Какой вы странный, – застенчиво проговорила она. – Вы такой славный, я просто готова расцеловать вас.

Он обхватил ее и прижал к себе. Его порывистость напугала девушку, и она попробовала вырваться, но он не отпускал и начал неуклюже ласкать ее. Он совершенно не сознавал, что делает.

Он понимал только, что ощущает нечто упоительно-сладостное и должен разделить эту сладость с несчастной рыдающей женщиной.

Всхлипывания мисс Мартин начали затихать и вскоре прекратились совсем. Он чувствовал, что она ерзает и к ней возвращаются силы.

Зазвонил телефон.

– Не подходи, – сказала она, снова начиная всхлипывать.

Он мягко отстранил ее и неуклюже двинулся к телефону. Звонила мисс Карлайл.

– У вас все в порядке? – спросила она. – Или вызвать полицию?

– Не надо, – сказал он и повесил трубку.

Все кончилось. Он не мог вернуться к кровати.

Его безнадежно несчастный вид рассмешил мисс Мартин.

– Давай сюда джин, бегемотище, – весело крикнула она. – Вон он, под столом.

И он увидел, что она недвусмысленным образом вытянулась на постели. Он выбежал из комнаты.

Теперь, в Калифорнии, он плакал оттого, что больше никогда не видел мисс Мартин.

На другой день директор сказал ему, что он хорошо справился с поручением и что она расплатилась и выехала.

Гомер пытался ее разыскать. В Уэйнвилле были еще две гостиницы, маленькие и захудалые, и он наводил справки в обеих. Осведомлялся он и в меблированных комнатах – но безрезультатно. Она уехала из города.

Он вернулся к привычному распорядку: десять часов – работа, два часа – еда, сон – остальное. Потом он простудился, и ему посоветовали уехать в Калифорнию. Он вполне мог

на время бросить работу. Отец оставил ему шесть тысяч долларов, а за двадцать лет бухгалтерской работы в гостинице он накопил по меньшей мере еще десять.

9

Гомер вылез из ванны, кое-как вытерся жестким полотенцем и пошел одеваться в спальню. Он еще больше погрузился в оцепенение и пустоту, чем обычно. Так бывало всегда. Чувства вздымались гигантской волной; она громоздилась все выше, выше, заворачивалась и, казалось, должна была смести все на своем пути. Но она не обрушивалась. Что-то всегда случалось вверху на самом гребне, и волна расплывалась, сбегала назад ручейками, как в водосточной канаве, оставляя после себя, самое большее, тяжелый осадок.

На одевание у него ушло много времени. После каждой вещи он останавливался и отдыхал – в отчаянии, несоизмеримом с затраченными усилиями.

Еды в доме не было, а магазин находился на Голливудском бульваре. Сперва он решил подождать до завтра, но потом, хотя не чувствовал голода, передумал. Было только восемь часов, а прогулкой можно было убить время. Если он не тронется с места, искушение снова уснуть может сделаться неодолимым.

Вечер стоял теплый и очень тихий. Он начал спускаться под гору, держась обочины тротуара. Между фонарями, где тьма была гуще, он ускорял шаги, а в каждом круге света – ненадолго останавливался. К тому времени, когда он вышел на бульвар, он с трудом заставлял себя идти шагом. На углу он несколько минут постоял, чтобы прийти в себя. Он настороженно замер, готовый к бегству; страх сделал его чуть ли не грациозным.

После того как несколько человек прошли мимо, не обратив на него никакого внимания, он успокоился. Он поправил воротник пальто и приготовился к переходу улицы. Не успел он сделать и двух шагов, как кто-то его окликнул:

– Эй, прохожий.

Это был нищий, который заметил его из темного подъезда. Безошибочное профессиональное чутье подсказало ему, что Гомер будет легкой добычей.

– Не одолжишь пять центов?

– Нет, – ответил Гомер неуверенно.

Нищий рассмеялся и повторил вопрос с угрозой:

– Пять центов, прохожий!

Он сунул руку Гомеру в лицо.

Порывшись в кармане с мелочью, Гомер кинул на тротуар несколько монет. Когда нищий бросился за ними, Гомер перебежал на другую сторону улицы.

Продовольственный магазин «Санголд» был просторен и ярко освещен. Вся арматура сверкала хромом, а пол и стены – белой плиткой. Цветной свет софитов играл на витринах и прилавках, оживляя природные краски снеди. Апельсины купались в красном, лимоны – в желтом, рыба – в бледно-зеленом, яйца – в кремовом, бифштексы – в розовом.

Гомер направился прямо в консервный отдел и купил банку грибного супа и банку сардин. К ним – полфунта содовых крекеров – на ужин хватит.

Он вышел с пакетом на улицу и двинулся в обратный путь. Подойдя к повороту на Пиньон-Каньон и увидев, как крут и черен впереди холм, он побрел назад по освещенному бульвару. Он хотел было подождать, пока кто-нибудь еще пойдет на холм, но в конце концов взял такси.

10

Хотя других занятий, кроме нехитрой готовки, у Гомера не было, он не скучал. Если не считать случая с Ромолой Мартин и, пожалуй, еще двух или трех событий, разделенных большими промежутками, сорок лет его жизни прошли без всяких перемен и треволнений. Свою бухгалтерскую работу он делал механически, складывая цифры и занося их в книгу так же безучастно и отрешенно, как открывал теперь банки с супом и стелил постель.

Глядя, как он бродит по своему маленькому коттеджу, можно было подумать, что это лунатик или полуслепой. Казалось, его руки живут и действуют сами по себе. Они сами расправляли простыни и взбивали подушки.

Как-то, открывая себе на второй завтрак банку лососины, он распорол палец. Хотя рана, должно быть, болела, его обычное – спокойное и несколько кислое – выражение лица не изменилось. Раненая рука корчилась на кухонном столе, пока не была перенесена в раковину напарницей, которая стала ласково купать ее в теплой воде.

Когда у него не было дел по дому, он сидел в старом сломанном шезлонге на заднем дворе – или, как именовал его агент, – патио. Гомер выходил туда сразу после завтрака, чтобы пожариться на солнце. Он постоянно держал на коленях потрепанную книгу, которую нашел в одном из стальных шкафов, но в нее не заглядывал.

Шезлонг стоял так, что вид перед Гомером открывался самый неприглядный. Повернув кресло на четверть оборота, он мог бы видеть большую часть каньона, змейкой сбегавшего к городу. Такое перемещение ему не приходило в голову. В поле его зрения была закрытая дверь гаража и клочок его ветхой толевой крыши. На переднем плане стояла закопченная кирпичная печь для сжигания мусора и высилась груда ржавых консервных банок. Правее располагались остатки кактусового сада, где еще корежились в муках несколько живых растений.

Одно из них – пучок мясистых лопатообразных листьев, утыканных уродливыми иглами, – цвело. Из края верхней лепешки торчал ярко-желтый цветок, похожий на головку чертополоха, но грубее. С какой бы силой ни дул ветер, его лепестки не шевелились.

В ямке под этим кактусом жила ящерица. Длинной она была сантиметров двенадцать и имела клинообразную головку, из которой вылетал тонкий раздвоенный язык. Она с трудом добывала тут пропитание охотой на мух, отлучившихся от груды консервных банок.

Ящерица была самолюбива и раздражительна, и наблюдения за ней очень забавляли Гомера. Когда ее коварная засада срывалась, ящерица обиженно топталась на коротких лапках и раздувала горло. Окраской она сливалась с кактусами, но, выбежав к жестянкам, где паслись мухи, она делалась очень заметной. Она часами неподвижно сидела на кактусе, потом, потеряв терпение, кидалась к жестянкам. Мухи замечали ее сразу, и после нескольких неудачных бросков она сконфуженно шмыгала на свой пост.

Гомер был на стороне мух. Когда одна из них, чересчур разлетавшись, приближалась к кактусу, он про себя молился, чтобы она пронеслась дальше или повернула обратно. Если она садилась и ящерица начинала подкрадываться, он следил за ними, затаив дыхание и до последней секунды надеясь, что муху что-нибудь вспугнет. Но как бы ни желал он мухе избавления, о вмешательстве он не помышлял и старался не шевельнуться, не проронить ни звука. Бывало, что ящерица промахивалась. Тогда Гомер радостно смеялся.

Солнце, ящерица и дом заполняли его время почти целиком. Но был он счастлив или нет – сказать трудно. Вероятно, ни то, ни другое, так же как растению не свойственно ни то, ни другое. Правда, его беспокоили воспоминания, а у растения их нет, но после первой тяжелой ночи они улеглись.

11

Так он жил почти месяц, как вдруг, когда он собирался готовить второй завтрак, в дверь позвонили. Он открыл и увидел на крыльце человека, в одной руке державшего ящик с образцами, а в другой – котелок. Гомер поспешно захлопнул дверь.

Звонок продолжал звонить. Он высунул голову в ближайшее к двери окно, чтобы прогнать пришельца, но тот очень вежливо поклонился и попросил напиток. Гомер увидел, что человек стар и утомлен, и подумал, что вид у него безобидный. Он вынул из холодильника бутылку воды, потом открыл дверь и пригласил незнакомца.

– Разрешите представиться – Гарри Гринер, – объявил тот нараспев, делая ударение на каждом втором слоге.

Гомер подал ему стакан воды. Он выпил залпом и налил себе еще.

– Весьма признателен, – произнес он с церемонным поклоном. – Удивительно освежает.

Гомер изумился, когда гость отвесил еще один поклон, сделал несколько быстрых па жиги и катнул котелок по руке. Котелок упал. Он нагнулся, чтобы поднять его, судорожно выпрямился, словно его пнули сзади, и с горестным видом потер поясницу.

Сообразив, что его забавляют, Гомер засмеялся.

Гарри поклоном поблагодарил его, но что-то было неладно. Он, видимо, перенапрягся. Лицо его побелело, он дергал воротник.

– Минутное недомогание, – пробормотал Гарри, тоже не понимая, притворяется он или ему плохо.

– Присядьте, – сказал Гомер.

Однако номер еще не кончился. Изобразив мужественную улыбку, Гарри сделал несколько неверных шагов к кушетке и повалился на пол. Он с негодованием осмотрел ковер и, будто бы обнаружив предмет, о который споткнулся, отшвырнул его ногой. После этого он доковылял до кушетки и сел, со свистом выпустив воздух, как надувной шар.

Гомер опять налил ему воды. Гарри попытался встать, но Гомер удержал его и заставил выпить сидя. Он осушил стакан, как и первые два, быстрыми глотками, потом утер рот платком, изображая усача, который только что выпил кружку пенистого пива.

– Вы чрезвычайно добры, сэр, – сказал он. – Но не тревожьтесь, когда-нибудь я воздам вам сторицей.

Гомер кивнул.

Гарри извлек из кармана жестяную баночку и протянул ему.

– С поклоном от фирмы, – объявил он. – В этой коробке «Волшебный растворитель», современное полирующее средство par excellence, средство бесподобное и несравненное, употребляемое всеми кинозвездами...

Он оборвал свою похвальную речь и залиvisto рассмеялся.

Гомер взял банку.

– Спасибо, – сказал он, пытаясь выразить лицом признательность. – Сколько я вам должен?

– Обычная цена, розничная цена – пятьдесят центов, но вам, в виде исключения, я уступлю ее за двадцать пять – по оптовой цене, которую я плачу фабрике.

– Двадцать пять? – сказал Гомер, в котором привычка одержала верх над робостью. – За двадцать пять в магазине я могу купить вдвое больше.

Гарри знал, с кем имеет дело.

– Берите, берите даром, – презрительно предложил он.

Маневр поставил Гомера в положение обороняющегося.

– Понимаю, ваша паста, должно быть, гораздо лучше.

– О нет, – произнес Гарри, словно отменяя взятку. – Оставьте ваши деньги при себе. Я в них не нуждаюсь.

Он рассмеялся – на этот раз с горечью.

Гомер вытащил мелочь и протянул ему.

– Возьмите, пожалуйста. Вы нуждаетесь – я вижу. Я куплю две банки.

Теперь Гарри мог брать его голыми руками. Он принялся хохотать на разные лады (все – театральные), как музыкант, настраивающий скрипку перед концертом. Наконец он подобрал нужный тон и дал себе волю. Это был хохот жертвы.

– Перестаньте, пожалуйста, – попросил Гомер.

Но Гарри не мог перестать. Ему и вправду было плохо. Последняя колодка, удерживавшая его на скате самооплакивания, была выбита, и он скользил под уклон, набирая скорость с каждой секундой. Он вскочил на ноги и начал играть Гарри Гринера, бедного Гарри, честного Гарри, благонамеренного, скромного, достойного Гарри, хорошего мужа, любящего отца, верного друга, примерного христианина.

Гомер не оценил представления. Он был в ужасе и раздумывал, не позвонить ли в полицию. Но ничего не сделал. Только поднял руку, чтобы остановить Гарри.

В конце пантомимы Гарри застыл, откинув голову и схватившись за горло, словно в ожидании занавеса. Гомер налил ему еще один стакан воды. Но представление не кончилось. Гарри поклонился, взмахнул шляпой, прижал ее к сердцу и снова принялся за свое. В этот раз его хватило ненадолго, он стал задыхаться и ловить ртом воздух. Вдруг в нем что-то лопнуло, как в заводной игрушке, которую перекрутили, и он начал выдавать весь свой репертуар подряд. Работа была чисто мускульная, как пляска святого Витта. Он танцевал жигу, жонглировал шляпой, изображал, что его пинают, спотыкался, сам себе пожимал руку. Он прокрутил все свои номера в сплошной головокружительной судороге, потом отлетел к кушетке и рухнул.

Он лежал на кушетке, закрыв глаза, и грудь его вздымалась. Он был озадачен не меньше Гомера. Сегодня он повторил свое антре уже четыре или пять раз, и ничего подобного не случилось. Он и вправду заболел.

– У вас был припадок, – сказал Гомер, когда Гарри открыл глаза.

Шли минуты, Гарри полегчало, и к нему вернулась уверенность. Он прогнал все мысли о болезни и до того воспрянул духом, что даже поздравил себя с лучшим выступлением за всю карьеру. Этого здорового обормота, который склонился над ним, можно наколоть на пятерку.

– Есть у вас что-нибудь спиртное? – проговорил он слабым голосом.

Бакалейщик прислал на пробу бутылку портвейна, и Гомер пошел за ней. Он налил полстакана, подал Гарри, и тот выпил вино маленькими глотками, гримасничая, словно принимал микстуру.

Медленно выговаривая слова, будто от сильной боли, он попросил Гомера внести его ящик с образцами.

– Он на крыльце. Его могут украсть. В эти баночки с пастой вложена большая часть моего скромного капитала.

Выполняя его просьбу, Гомер вышел и увидел у обочины тротуара девушку. Это была Фей Гринер. Она смотрела на дом.

– Здесь мой отец? – крикнула она.

– Мистер Гринер?

Она топнула ногой.

– Скажите ему, чтоб выкатывался. Целый день его, что ли, ждать?

– Ему плохо.

Девушка отвернулась, ничем не показав, что она услышала или приняла к сведению его слова.

Гомер внес в дом ящик с образцами. Когда он вошел в комнату, Гарри как раз наливал себе вино.

– Вполне приличная штука, – сказал он, причмокивая. – Вполне приличная... ничего, ничего. Извините за бесцеремонный вопрос – сколько вы платите за бу...

Гомер перебил его. Он не любил пьющих и хотел спровадить гостя.

– Ваша дочь на улице, – произнес он со всей твердостью, на какую был способен. – Она вас ждет.

Гарри рухнул на кушетку и тяжело задышал. Он опять притворился.

– Не говорите ей, – прохрипел он. – Не говорите ей, как плох ее старый папочка. Она не должна этого знать.

Гомер был потрясен его лицемерием.

– Вам уже легче, – проговорил он как можно более холодно. – Почему бы вам не отправиться домой?

Гарри улыбнулся, чтобы показать, как он уязвлен и обижен бессердечным отношением хозяина. Но когда Гомер ничего не ответил, улыбка видоизменилась и выразила безграничное мужество. Он осторожно поднялся на ноги, постоял минуту прямо, потом начал покачиваться от слабости и вновь опрокинулся на кушетку.

– Мне дурно, – простонал он.

Он опять был удивлен и напуган. Ему было дурно.

– Позовите дочь, – прохрипел он.

Она стояла у обочины спиной к дому. Когда Гомер ее окликнул, она круто обернулась и побежала к нему. Он посмотрел на нее, потом вошел, не закрыв за собой дверь.

Фей влетела в комнату. Не обращая внимания на Гомера, она подбежала к кушетке.

– Ну, чего еще? – крикнула она.

– Милая дочь, – сказал он. – Я очень сильно занемог, и этот джентльмен был так отзывчив, что позволил мне здесь полежать.

– У него было что-то вроде припадка.

Она обернулась к Гомеру так резко, что он вздрогнул.

– Здравствуйте, – сказала она, протягивая руку.

Он робко ее пожал.

– Очень рада, – сказала она, когда он что-то проямлил.

Она круто обернулась к отцу.

– Сердце, – сказал Гарри. – Встать не могу.

Небольшой номер, исполняемый отцом при продаже пасты, был ей известен, и припадок в него не входил. Когда она вновь повернулась к Гомеру, вид у нее был трагический. Ее гордо откинута голова поникла.

– Прошу вас, разрешите ему тут полежать, – сказала она.

– Да, конечно.

Гомер указал ей на кресло и поднес спичку к ее сигарете. Он старался не глазеть на нее, но тут как раз воспитанность была ни к чему. Фей любила, чтобы на нее глазели.

Она показалась ему невысказанно прекрасной. Но еще больше его поразила бывшая в ней через край жизнь. Она была тугая и звенящая. Она сияла, как новая ложка.

Хотя ей шел восемнадцатый год, она была одета как двенадцатилетняя девочка – в белое бумажное платье с синим матросским воротником. На длинных голых ногах были синие сандалии.

– Мне очень неловко, – сказала она, когда Гомер снова посмотрел на отца.

Он жестом дал ей понять, что это пустяки.

– Бедолага, сердце у него никудышное, – продолжала она. – Сколько раз я умоляла его показаться специалисту – но вы, мужчины, все одинаковы.

– Да, ему надо сходить к врачу, – сказал Гомер.

Ее жеманность и ненатуральный тон привели его в замешательство.

– Который час? – спросила она.

– Около часу.

Она вдруг вскочила и схватилась за голову, зарыв пальцы в волосах, отчего они приподнялись на макушке шелковистой копенкой.

– Ах, – грациозно выдохнула она, – а у меня в ресторане назначено свидание.

Все еще держась за волосы, она повернула торс, не сдвинув ног, так что ее тесное платье натянулось еще туже, обрисовав изящно выгнутые ребра и маленький, с ямкой, животик. Это искусное телодвижение, как и все другие, было настолько бессмысленным и механическим, что она казалась даже не манерной актрисой, а танцовщицей.

– Вы любите салат с лососиной? – отважился спросить Гомер.

– Салат с лососиной?

Она как будто повторила вопрос своему желудку. Ответ был – да.

– И много майонезу, да? Обожаю.

– Я начал готовить ко второму завтраку. Сейчас доделаю.

– Давайте я помогу.

Они взглянули на Гарри, который как будто уснул, и пошли на кухню. Пока он открывал банку с лососиной, она уселась верхом на стул, сложив руки на спинке и опершись на них подбородком. Когда он оглядывался на нее, она ему интимно улыбалась и встряхивала своими белыми шелковистыми волосами – сначала вперед, потом назад.

Гомер был взволнован, и его руки действовали быстро. Вскоре большая ваза салата была готова. Он расстелил лучшую скатерть и выставил лучший фарфор и серебро.

– От одного вида слюнки текут, – сказала она.

Сказано это было так, как будто слюнки у нее текли при виде Гомера, – и он засиял. Но к еде она приступила раньше, чем он сел. Она намазала ломоть хлеба маслом, посыпала сверху сахаром и откусила большой кусок. Потом шлепнула на лососину ложку майонеза и принялась за дело. Гомер совсем уже было приготовился сесть, но тут она попросила чего-нибудь попить. Он налил ей стакан молока и стоял, наблюдая за ней, как официант. Он не замечал ее бесцеремонности.

Когда она умяла салат, он принес ей большое красное яблоко. Фрукт она ела медленнее, деликатно его обкусывая и оттопырив согнутый мизинец. Покончив с яблоком, она отправилась в комнату, и Гомер пошел за ней.

Гарри лежал на диване, вытянувшись в прежней позе. Тяжкое полуденное солнце било ему прямо в лицо. Но Гарри не чувствовал его затрещин. Он был занят кинжальной болью в груди. Он был занят собой настолько, что даже перестал придумывать, как наколоть здорового обормота.

Гомер задернул штору, чтобы защитить его голову от солнца. Гарри и этого не заметил. Он думал о смерти. Фей склонилась над ним. Из-под опущенных ресниц он видел, что она ждет от него успокоительного жеста. Он воздержался. Он изучил трагическое выражение на ее лице и остался недоволен. В серьезные минуты, подобные этой, ее топорная грусть выглядела оскорбительно.

– Папочка, скажи что-нибудь, – взмолилась она.

Сама того не сознавая, она играла у него на нервах.

– Это что еще, к свиньям, за балаган? – рявкнул он.

Его внезапная ярость испугала Фей, и она, вздрогнув, выпрямилась. Он не хотел смеяться, но короткий лай вылетел из горла раньше, чем он успел с собой совладать. Он с тревогой ждал, что теперь будет. Хуже не стало, и он засмеялся опять. Начал он осторожно, но посте-

пенно разошелся. Он хохотал, закрыв глаза, и по лбу его тек пот. Фей знала только один способ его остановить: сделать что-нибудь столь же ненавистное ему, как ей – его хохот. Она запела:

Елки-палки!
Чьи это там мигалки?

Она приплясывала, двигая ягодицами и дергая головой из стороны в сторону.

Гомер был изумлен. Он чувствовал, что сцена, разыгравшаяся перед ним, отрепетирована. Он не ошибался. Их самые ожесточенные ссоры чаще всего происходили именно так – он смеялся, она пела:

Елки-палки!
Чьи это глаза?
Как играют!
Сердце обжигают!
Как...

Когда замолчал Гарри, она тоже замолчала и упала в кресло. Но Гарри только собирался с силами перед решительным штурмом.

Он начал опять. Этот новый смех не был уничижительным, он был ужасным. Когда Фей была ребенком, Гарри наказывал ее этим смехом. Тут он достигал вершин своего мастерства. Один режиссер всегда вызывал Гарри с этим номером, когда снималась сцена в сумасшедшем доме или в замке с привидениями.

Он начинался резким звонким треском, напоминающим треск горящих дров, потом, постепенно набирая звучность, переходил в чистый лай и снова утихал, сменяясь похабным квохтаньем. После короткой паузы он взвивался до лошадиного ржания и еще выше, переходя в механический визг.

Фей беспомощно слушала, склонив голову набок.

Вдруг она тоже захохотала – невольно, просто чтобы заглушить звук.

– Гадина, – завопила она.

Она подскочила к кушетке, схватила его за плечи и начала трясти, чтобы он замолчал.

Он продолжал хохотать.

Гомер двинулся к ней, словно желая ее оттащить, но сробел и не решился до нее дотронуться. Она была такая голая под легким платицем.

– Мисс Гринер, – взмолился он, причем его ладони исполняли какой-то сложный танец. – Прошу вас, прошу...

А Гарри уже не мог остановиться. Он схватился за живот, но хохот извергался из него. Снова началась боль.

Размахнувшись так, словно в руке был молоток, Фей ударила его кулаком в рот. Ударила только раз. Он успокоился и затих.

– Я не могла иначе, – сказала она Гомеру, когда он увел ее за руку.

Он посадил ее в кухне на стул и закрыл дверь. Она еще долго всхлипывала. Он стоял позади нее и беспомощно смотрел на мерно вздрагивающие плечи. Несколько раз его руки потянулись утешить ее, но он их обуздал.

Когда она выплакалась, он дал ей салфетку, и она утерла лицо. Салфетка была измазана ее румянами и тушью.

– Испортила салфетку, – сказала она, отвернувшись. – Простите, пожалуйста.

– Она была грязная, – ответил Гомер.

Фей вынула из кармана пудреницу и посмотрелась в зеркальце.

– Пугало.

Она попросила разрешения сходить в ванную, и Гомер показал ей дорогу. Потом он на цыпочках вернулся в комнату – посмотреть, как Гарри. Старик дышал шумно, но ровно, и казалось, он спокойно спит. Гомер, не потревожив его, подсунул ему под голову подушку и ушел на кухню. Он зажег газ, поставил кофейник и сел ждать Фей. Он услышал, что она зашла в комнату. Через несколько секунд она вернулась на кухню.

Она виновато потопталась в дверях.

– Хотите кофе?

Не дожидаясь ответа, он налил чашку и подвинул к ней сахар и сливки.

– Я не могла иначе, – сказала она. – Просто не могла.

– Ничего.

Желая показать, что оправдываться не нужно, он начал возиться в раковине.

– Нет, правда, – настаивала она. – Он нарочно смеется, чтобы меня довести. А я не могу, когда он смеется. Просто не могу.

– Да.

– Он ненормальный. Мы, Гринеры, все ненормальные.

Последнюю фразу она произнесла так, словно ненормальность была заслугой.

– Он плохо себя чувствует, – заметил Гомер, оправдываясь за нее. – Может быть, у него солнечный удар?

– Нет, он ненормальный.

Гомер поставил на стол тарелку имбирного печенья, и она стала есть его со второй чашкой кофе. Нежный хруст, который она при этом издавала, пленил Гомера.

На несколько минут все стихло: Гомер, стоявший у раковины, оглянулся – не случилось ли чего. Она курила сигарету, по-видимому, в глубоком раздумье.

Он попробовал ее развеселить.

– О чем вы думаете? – натянуто осведомился он и почувствовал себя глупо.

Она вздохнула, чтобы показать, как мрачны и безнадежны ее мысли, но не ответила.

– Ручаюсь, вам хочется сладкого. В доме нет ничего, но я могу позвонить в аптеку, и они сейчас же пришлют. А может быть, мороженого?

– Нет, спасибо большое.

– Это совсем не трудно.

– Отец ведь, в сущности, не торговец, – сказала она вдруг. – Он актер. Я актриса. Мать у меня тоже была актрисой – танцовщицей. Театр у нас в крови.

– Я мало бывал в театре. Я...

Он умолк, заметив, что ей неинтересно.

– Когда-нибудь я стану звездой, – объявила она, словно вызывая его на спор.

– Конечно, вы...

– В этом – моя жизнь. Ничего на свете мне не нужно – только это.

– Это хорошо – знать, что тебе нужно. Я раньше был бухгалтером в гостинице, но...

– А если не стану, я покончу с собой.

Она встала, поднесла руки к волосам, широко раскрыла глаза и нахмурилась.

– Я не очень часто хожу в театр, – начал оправдываться он, подвигая к ней печенья. – У меня глаза болят от света.

Она засмеялась и взяла крекер.

– Я растолстею.

– Ну что вы.

– Говорят, в будущем году в моде будут полные женщины. Вы верите? Я – нет. Это просто Мей Уэст рекламируют.

Он согласился с ней.

Она говорила и говорила без конца – о себе и о киношных делах. Он смотрел на нее, но не слушал, и всякий раз, когда она повторяла вопрос, требовавший ответа, он молча кивал.

Руки начали беспокоить Гомера. Он тер их о ребро стола, чтобы успокоить зуд, но это только раздражало их. Когда он сцепил руки за спиной, напряжение стало невыносимым. Руки вспухли и горели. Под предлогом мытья посуды он сунул их в раковину под холодный кран.

Когда в дверях появился Гарри, Фей все еще говорила. Он бессильно прислонился к косяку. Нос у него был очень красен, но в лице – ни кровинки, и казалось, костюм стал ему велик. Тем не менее он улыбался.

К удивлению Гомера, они встретились как ни в чем не бывало.

– Ну как, пап, отошел?

– Бодр и весел, детка. Здоров, говорит, как бык, крепок, как дуб, и вообще молодец, как соленый огурец.

Его гнусавый выговор – в подражание прибаутчику из глухомани – вызвал у Гомера улыбку.

– Вы не хотите поесть? – спросил он. – Может быть, стакан молока?

– Да, перекусить бы не мешало.

Фей подвела его к столу. Он пытался скрыть свою слабость, карикатурно изобразив шаркающую походку негра.

Гомер открыл банку сардин и нарезал хлеба. Гарри с преувеличенной жадностью зачмокал губами, но ел медленно и с трудом.

– Жизнь! Лучше бы надо, да некуда, – сказал он, закончив.

Он развалился на стуле и выудил из жилетного кармана мятый окурок сигары. Фей поднесла ему спичку, и он игриво пустил дым ей в лицо.

– Папа, пора идти, – сказала она.

– Сей момент, дочка. – Он повернулся к Гомеру: – Знатный у вас домишко. Женат?

Фей попыталась его остановить:

– Па!

Он не обращал внимания.

– Холостой, э?

– Да.

– Ну-ну. Такой парень...

– Я сюда приехал подлечиться, – нашел нужным сообщить Гомер.

– Не отвечайте на его вопросы, – вмешалась Фей.

– Что ты, что ты, дочка. Я же по-доброму спрашиваю. Я ничего обидного не сказал.

Он все еще изъяснялся с преувеличенно деревенским выговором. Он плюнул воображаемой слюной в воображаемую плевательницу и сделал вид, что перекидывает табачную жвачку из-за щеки за щеку.

Гомеру эта пантомима показалась смешной.

– Одному, в таком большом доме... мне было бы скучно и жутко, – продолжал Гарри. – Вас тут скука не заедает?

Гомер посмотрел на Фей, словно прося совета. Она досадливо нахмурилась.

– Нет, – сказал он, упреждая повторение неприятного вопроса.

– Нет? Ну, прекрасно.

Гарри пустил к потолку несколько колец дыма и критически наблюдал за их поведением.

– А вы не думали взять жильцов? – спросил он. – Каких-нибудь симпатичных, уживчивых людей. И деньги лишние не помешают, и в доме будет уютней.

Гомер был возмущен, но под возмущением копошилась другая мысль – очень волнующая. Он не знал, что сказать.

Фей неправильно истолковала его замешательство.

- Па, кончай! – прикрикнула она, не дав Гомеру ответить. – Ты и так тут надоел.
- Уж и поболтать нельзя, – возразил он с невинным видом. – Уж и язык нельзя почесать.
- Ну ладно, поднимайся, – отрезала она.
- Куда вам торопиться? – сказал Гомер.

Он хотел добавить что-нибудь посильнее, но не отважился. Руки его оказались смелее. Когда Фей на прощание подала ему руку, его рука сжалась и не хотела отпускать.

Фей посмеялась этой теплой настойчивости.

– Миллион благодарностей, мистер Симпсон, – сказала она. – Вы были очень добры. И за завтрак спасибо, и что папе помогли.

– Мы очень признательны, – подхватил Гарри. – Вы сегодня сделали христианское дело. Господь вас вознаградит.

Он вдруг сделался очень набожным.

– Загляните к нам как-нибудь, – сказала Фей. – Мы тут неподалеку, в меблированных комнатах Бернардино – это кварталах в пяти от каньона. Такой большой желтый дом.

Гарри встал, но вынужден был прислониться к столу, чтобы не упасть. Фей и Гомер взяли его под руки и вывели на улицу. Гомер поддерживал его, а Фей пошла, чтобы подогнать машину, стоящую на другой стороне улицы.

– Мы совсем забыли про ваш заказ на «Волшебный растворитель», – сказал Гарри, – бесподобное и несравненное средство для полировки.

Гомер нашел доллар и сунул ему в руку. Гарри быстро спрятал деньги и принял деловитый вид.

– Товар я доставлю завтра.

– Да, пожалуйста, – сказал Гомер. – Мне правда нужно средство для чистки серебра.

Гарри разозлился – ему было обидно, что этот тюфяк ему покровительствует. Он попытался восстановить подобающие, как ему казалось, взаимоотношения, отвесив иронический поклон, но не смог довести его до конца и начал мять себе кадык. Гомер помог ему влезть в машину, и он кулем опустился на сиденье рядом с Фей.

Машина тронулась. Фей оглянулась и помахала Гомеру, а Гарри даже не повернул головы.

12

Остаток дня Гомер провел в сломанном шезлонге. Ящерица сидела на кактусе, но он мало интересовался ее охотой. Мысли его были заняты руками. Они дрожали и дергались, словно им снились кошмары. Чтобы остановить их, он их сцепил. Пальцы переплелись, как бедра в миниатюре. Он растащил их и сел на руки.

Шли дни, и оттого, что он не мог забыть Фей, ему стало страшно. Интуитивно он чувствовал, что целомудрие – его единственная защита, что, как панцирь черепахе, оно служит ему и броней, и хребтом. Он не мог сбросить его даже в мыслях. Если он сделает это, он погиб.

Он не заблуждался. Есть люди, которые вожделеют частями. У них горит лишь сердце или ум, и то не целиком. Еще удачливее те, кто подобен волоску электрической лампы. Они раскалены добела, но не сгорают. А с Гомером – это было бы все равно, что обронить искру на сеновале. Он спасся в истории с Ромолой Мартин, но второй раз спастись ему бы не удалось. Прежде всего, тогда у него была работа в гостинице – изо дня в день и на целый день занятие, которое защищало его тем, что утомляло; теперь же у него не было ничего.

Эти мысли испугали его, и он кинулся в дом, надеясь оставить их, как оставляют перчатки. Он вбежал в спальню и бросился на кровать. Он был так наивен, что думал, будто во сне мыслей нет.

Но беспокойство отняло у него даже эту иллюзию – уснуть он не мог. Он закрыл глаза и попробовал нагнать на себя сонливость. Переход ко сну, прежде не требовавший усилий, превратился в какой-то длинный сверкающий туннель. Сон был в дальнем конце – размытое пятнышко тени посреди ослепительного блеска. Он не мог бежать – только полз к черной крапинке. Он уже почти отчаялся, но выручила привычка. Она сокрушила сверкающий туннель и швырнула его во тьму.

Проснулся он без труда. Он попробовал снова заснуть, но на этот раз даже не мог найти туннель. Пробуждение было полное. Он попытался думать о том, как он устал, но усталости не было. Со времен Ромолы Мартин он ни разу не чувствовал себя таким живым.

За окном все еще распевали птицы, но с перерывами, то и дело умолкая, словно им грустно было примириться с уходом еще одного дня. Ему почудилось шуршание шелка, но это лишь ветер шумел в листве. Как пусто было в доме! Он попытался заполнить пустоту пением:

Скажи, ты видишь в проблесках зари...

Других песен он не знал. Он подумал, что надо купить патефон или радио. Но понимал, что не купит ни того, ни другого. Это очень опечалило его. Печаль была приятная, сладкая и мирная.

Но этого ему было мало. В нетерпении он стал ворошить свою печаль, чтобы она стала острее, то есть еще приятнее. Он получал по почте проспекты бюро путешествий и теперь стал думать о поездках, которых никогда не совершит. Мексика была всего в нескольких сотнях километров. Ежедневно отплывали суда на Гавайи.

Незаметно – он даже помрачнеть не успел – печаль превратилась в муку. Он снова стал страдальцем. Он заплакал.

Слезы помогают тем, у кого еще есть надежда. Выплакавшись, они чувствуют облегчение. Но лишенным надежды, как Гомер, – тем, чье страдание исконно и неизменно, – проку от слез нет. У них ничего не меняется. Они обычно знают это, но удержаться от слез не могут.

Гомеру повезло. Он уплакался до того, что уснул.

Но утром он проснулся опять с мыслью о Фей. Он принял ванну, позавтракал и сел в свой шезлонг. Во второй половине дня он решил пройтись. Дорога у него была только одна и вела мимо комнат Сан-Бернардино.

Где-то во время своего долгого сна он капитулировал. Подойдя к дому, он взгляделся в освещенный желтым светом коридор, прочел на почтовом ящике карточку Гринера, повернулся и пошел домой. На другой вечер он повторил поход, захватив букет и бутылку.

13

Состояние Гарри Гринера не улучшалось. Он лежал в постели, скрестив на груди руки, и глядел в потолок.

Тод навещал его почти каждый вечер. Обычно там бывали и другие гости. Иногда – Эйб Кьюсик, иногда – сестры Ли, Анна и Аннабель, выступавшие со своим номером в начале века, а чаще всего – четверо Джинго, семья гастролирующих эскимосов из Пойнт-Берроу, Аляска.

Если Гарри спал или были другие посетители, Фей обычно приглашала Тода в свою комнату, поговорить. Несмотря на все ее рассуждения, его интерес к ней возрастал и она волновала его по-прежнему. В любой другой девушке подобная манерность показалась бы ему невыносимой. Но ужимки Фей были до такой степени ненатуральны, что приобретали в его глазах очарование.

Находиться с ней было все равно, что находиться за кулисами во время курьезного любительского спектакля. В зале эти глупые реплики и несуразные положения заставили бы его ерзать от досады, но оттого, что он видел потных рабочих сцены, проволоку, на которой держалась картонная беседка, облепленная бумажными цветами, он принимал все и болел за успех спектакля.

Он нашел ей и другое оправдание. Нередко отдавая себе отчет в своем позерстве, она ломалась лишь потому, казалось Тоду, что не умела вести себя проще или искреннее. Она была актрисой, учившейся на плохих образцах в плохой школе.

Тем не менее Фей была не лишена критической жилки и иногда умела распознать нелепое. Он часто видел, как она смеется над собой. Больше того – ему случалось видеть, как она смеется над своими мечтами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.